

ДЫМ КРАПИВНЫЙ

Йорик Волков

Йорик Волков
Дым крапивный

«Автор»

2026

Волков Й.

Дым крапивный / Й. Волков — «Автор», 2026

Юный барин, страдающий от шизофрении, неожиданно становится единственным наследником имения.

© Волков Й., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
1	6
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Йорик Волков

Дым крапивный

Глава

1

Катится бричка по песчаной дороге. Гриша Заболоцкий отбил всю задницу, сидя на деревянных лавках в этом деревянном коробе, под чмокание кобылы и противный перегар кучера, что бьёт в нос. Дорога кажется бесконечной.

По окну стекают холодные капли. Гриша путается в вонючем пыльном пледе. Он промёрз, пытается уснуть, но удаётся лишь задремать слегка — до того момента, как на очередной кочке рука соскальзывает, переставая держать голову, и Григорий прикладывается лбом то о дверцу, то опрокидывается вперёд.

На козлах тем временем смолит сигарку мужик Валёк. Дым тусклый, вонючий окутывает его крепкую, чуть кособокую фигуру. Щёки чуть заливают румянец. Кобылиха Марфа слушается его охотно и с дороги не сбивается даже в те частые моменты, когда Валёк бывало задремлет подолгу, совсем забывая о пути.

Марфа несёт бричку сама, несёт по дороге, поросшей лопухами по колено и кустами всякого сора, и ведь несёт правильно. Хорошая животинка — ну до чего ж хороша, меж прочим!

А он сидит на овчинной подушечке, что заранее прихватил с собой, когда приказчик из поместья за юным барином послал. И всё у Валька хорошо. Батрачить на поле вместе с братьями не приходится, погода на улице на редкость хороша, пусть дождь моросит и туманец, но зато как спокойно-то. Да и зверь в такую погоду охотится редко и крайне неохотно: сырая земля любой запах скроет, а мокрота быстро силы отнимает, ноги коченеют лихо.

Валёк это ещё с юности помнил, с тех времён, как с отцом, ныне почившим, на охоту втайне от господ в час предрассветный выбирались... там и холод бывало скручивал наравне с пустым брюхом, и не вдохнуть, и не выдохнуть.

А вот сейчас Вальку хорошо... ему с собой в дорогу дали полкраюхи ржаной да ломоть сальца свежего. Ну дивно же, не?

А над бричкой кружит воронёнок. Неизвестно зачем он здесь. Неизвестно куда ведут его большие, блестящие от влажных капель крылья. Но он бестолково и быстро машет ими, хлопает, пытаясь удержаться в воздухе, пытаясь не упасть.

Дверца брички распаивается со шлепком, бьётся на ветру о бок повозки с деревянным гулом.

Валёк от этого аж проснулся, недовольно пожевал нижнюю губу, подумал про себя:

«Ну чаво же, у господ свои причуды водятся...»

А Гриша идёт в стороне от брички. Новые сапоги скрипят, стопы болят, но это лучше, чем маяться в полузабытьё внутри этой дрянной повозки. Лучше!

Лопухи бьются по его сапогам, по коленям. Руками он отводит их в сторону, и мокрые влажные следы тянутся по его кафтану. Слизняки серые и зелёные усаживаются на плечи. А под ногами скрипят и лопаются панцири улиток, которых он не видит, но убивает своей торопливой неровной поступью.

Воронёнок сел на крышу брички, сидит, блестит чёрным глазом, на барина поглядывает.

А Валёк всё сильнее жуёт нижнюю губу:

«Когда же ты, юродливый, обратно полезешь? Я ж только опохмелиться чуток собирался!»

Григорий же вдыхает полную грудь влажного воздуха. Пенсне на левом глазу покрылось моросью. Ноги чуть разъехались, но настроение крайне плаксивое — он и сам замечает, как сильно хочется вернуться обратно в пансион, откуда его вызвал дядька, в свою небольшую комнату без окна. Улечься на такую привычную кровать... укутаться в овчину... уснуть...

— Господин, а вы чаво... не простудитесь ли часом? — как можно более услужливо, но хрипло вырвалось у Валька.

Гриша не дрогнул снаружи, но внутри растерялся. Почему этот мужик вдруг заговорил? Два дня ни слова и тут заговорил. Неужели ему так же одиноко и скучно в пути, как и самому Грише?

Правду, однако, говорят некоторые его товарищи по военному училищу: бывают на свете мужики, от других отличимые, не совсем животные по сущности своей, на людей мыслящих всё же чем-то похожие...

А Валёк... уже зубами от досады скрипеть начал.

Не прогнать же господина как щенка юродливого, обратно в кибитку не запихнуть! А этот молчит... сразу видно, что барин. Они все такие: себе на уме.

Ни черта ведь не ответит, не скажет, а потом ещё за нерадивость выпороть велит, как до усадьбы добраться изволят... Как бы так извернуться ужом да прощения попросить? Господи, зачем на это дело подрядился? Ну дурной же случай, а?!

— К.. зва... теб... — неразборчиво, потому что очень тихо, послышался голос за плечом Валька.

Он глянул, и даже губу жевать перестал, рот от удивления чуть приоткрыл.

Григорий Заболоцкий с раннего детства имел одну необычайную особенность, которую за ним редко замечали, ибо трудно её уловить окружающим. Особенность эта могла бы сделать его необычайно популярным у дам или у кавалеров иной... природы, если бы только Григорий спешил показать её миру.

А Гриша не спешил. Он всегда был крайне осторожен в общении с кем-либо. Даже с единственным родственником — дядей Парфирием — общался редко, а в последнее время исключительно письменно, в связи с огромным расстоянием, их разделявшим.

Дядя Парфирий, он же барон Заболоцкий, обитал в селении Заболоцкое, от коего их род и название взял.

А Григорий Заболоцкий, единственный наследник этого имения, проходил обучение в военном училище в Волжской волости, в шести днях пути от дома.

Потому и дядя его родной наверняка об особенности племянника успел позабыть, ибо не видел его уже почитай третий год.

Так что удивление простого мужика из Заболоцкого было вполне разумно, и гулкий шёпот его: «Боже милостивый...» — был вполне допустим и Гришу особо не смутил. В отличие от Валька, который впервые в жизни встретился с очами юного барина.

Глаза его были глубоки, огромны, влажны как дрожащая гладь озера, с роскошными длинными ресницами и тонкими, чуть в издевку изогнутыми бровями. Но это-то ладно, глаза и покрасивее, чем у красной девицы на ярмарке, бывают. Это ладно.

Только вот один глаз у Григория Заболоцкого был чёрным-чёрным, как омут, на дне которого холод и камень. А другой — посветлее, ярко-карий, как солнце, с зелёным отливом.

Гриша склонил голову набок, так и не дождавшись ответа, и повторил свой вопрос, пусть делать этого он очень НЕ любил:

— Как звать тебя?

— А-к... да-к... я ж што, не приставился, господин? Прощения прошу и каюсь, грешный я, совсем оно позабылось как-то... — а отвести взор от молодого барина Валёк не в силах.

Вдруг повозка накренилась и подскочила. Вожжи из рук Валька вылетели, кобыла заржала, а что-то в колесе заднем, левом, под повозкой хрустнуло. Бричка накренилась ещё сильнее, намереваясь опрокинуться.

Валёк натянул вожжи, тут же их отпустил, прыгнул в сторону. Матерясь на весь белый свет, метнулся к телеге и придержал ту за край, не позволяя завалиться в яму, которую, видать, недавно размыло дождём. Вот ведь холера!

Трещит костёр, дым валит клубами вверх, ветер относит его в сторону Гриши, у того тут же перехватывает дыхание. Парень кашляет, глаза жутко слезятся.

А сидящий прямо у костра Валёк, то и дело теперь бросает взгляды в сторону юного господина, шепчет не очень громко:

— Ваше благородие, может, в карету пойдёте, а?

Гриша вытирает широким рукавом кафтана набежавшие слёзы и требует:

— Не указывай мне!

Мужик тут же замыкается, старается сдерживать любопытство и в сторону господина не глазеть. Потом, конечно, всё равно посмотрит — удостовериться, не привиделось ли ему с глазами-то. Какая-то совсем бесовская шутка. А всё же те силы Валёк уважал. Пусть и боялся очень, а всё же уважал. И юный господин в глазах Валька теперь приобрёл иную, особенную значимость.

Только непонятно было мужику, почему юный господин не идёт в бричку ночевать.

А случилось давеча с повозкой вот что:

Колесо у брички — то, что деревянное и полоской стали по краям обитое — угодило о выступающее из грязи бревно. Такие брёвна давно уж положили в дорогу и присыпали, потому как земля здесь болотистая, всё время гуляет. Брёвнышки удерживают дорожную насыпь в слабых местах.

Но дорогу давно не чинили. Успело её размывать, появились ямы и промоины. Вот колесо и напоролось на бревно, треснуло, и бричка начала заваливаться в яму, выматую дождём.

Валёк успел всё исправить. Лежали у него за бричкой, в ящичке, инструменты плотницкие и запасные деревянные части для колёс — куски дуг, спицы, ободья. Подлатал быстро. Да только пока мастерил дождь усилился и дорогу дальше совсем размыло. Ехать нельзя. Надо переждать до утра.

Вот и проехали чуть дальше до перекрёстка, в кустах и берёзовой роще решили схорониться. Дождь переждать да скотине дать передохнуть.

Валёк думал себе, что будет сидеть тихонько у костерка и водку пить, пока светлость изволит в бричке под дорожным одеялом дремать. Оно там всяко уютнее, чем здесь на плаще, на сырой земле у чадающего костерка...

Ан нет. Ошибся Валёк. Его светлость уходить не желает. Отыскал где-то метровое брёвнышко, подтолкнул к раздвоенному стволу берёзки, сверху укрыл овчинной подушкой, забранной у Валька, и уселся.

Сидит юный господин к костру почти вплотную, по правую руку от Валька.

И не уютно мужику оттого. И не выпить. И не сказать юному господину, чтобы шёл в бричку, а если всё же скажет, то завтра в усадьбе точно высекут!

А конюха Макара, который у них сечёт, Валёк хорошо знал. Знал и руку Макара тяжёлую, и вицы вишнёвые, в солёной воде замоченные. Спина его за прошлую кражу ещё не зажила окончательно. Потому приходилось мужику сидеть, пыхтеть, тяжело вздыхать и ждать. Надеяться на чудо, что ли. Да огонёк поддерживать хиленький всю ночь. Ему-то без этого никак — иначе околеет. В бричку же под одеяло не спрятаться!

— Ты не ответил.

Голос Гриши звучал нервно, как спица, что бывает втыкается в палец во время вязания тугой непослушной пряжи.

— Прощения прошу, господин, грешен я, но о чём вы говорить изволите...

— Имя твоё.

— О, так это... Валёк я.

— Вот оно как, стало быть. Валёк. Скажи мне, милый человек, ты никак убить меня хочешь?

Тишина вдруг сделалась совсем гнетущей. Дым от кострища волной заструился в сторону мужика, глаза его покрылись слезами, в носу свербит. И думает про себя Валёк:

«Тут, наверное, не высекут, а повесить изволят. Только за что...»

— Я не понимаю, господин... вы по-чему-то гневаться изволите?

— Ну как же ты не понимаешь? Или прикидываешься?

Валёк не удержался, посмотрел на Григория, и оторопел совсем. Тот к нему сидел карим глазом, но было с ним что-то не то. Цвета ореховой скорлупы, в глазу отражается лицо Валька, а губы у господина изогнулись в тонкую линию, ямочки на щеках проступили, но холодом от этой улыбки веяло хуже, чем сквозняком на ветру.

— Что же ты молчишь, Валёк? — лезвие спицы уже не просто тычется остро в палец, оно норовит прошить насквозь, добраться до мяса.

— Да я, господин, не пони-ма-аю... хр-рр...

Ловкие руки обвили шею Валька неестественно быстро. Холодные липкие пальцы сдавили гортань. Пусть аномально сильные, но всё же очень тонкие. Валёк, поначалу растерявшийся, смог отвести руки Гриши от своего горла, но тут же получил удар острого локтя по темени. Голова закружилась, и Григорий тут же вновь вцепился в горло мужика, на этот раз захватывая гортань на локтевой изгиб.

Валёк очень хотел жить. Он сопротивлялся всей массой, пытался ударить назад, но положение было слишком неудобное, и он мог лишь пытаться выдраться, как рыба во время нереста, что случайно выпрыгивает на дощатое дно лодки рыбака и судорожно бьётся в агонии, пытаясь вернуться обратно в воду. Да поздно уже, и ничего не поделать.

Меж тем Гриша стащил его с бревна, на котором Валёк сидел, и зашептал нервно в ухо:

— Это же ты... это ты сам во всём виноват... а я что? Ты зачем меня убить хочешь? Денег хочешь? Поиздеваться хочешь? Ты тварь, ты падаль крестьянская! Ты зачем меня сюда заманил? А может, у тебя подельники есть? А? Где они? Где?

Валёк внезапно оказался свободен, только головой мягко приложился о ветви. Захрипел, попытался встать, но в глазах всё двоится. В дрожащем свете костерка он видел, как мечется

по округе юный господин. На всякий случай Валёк придвинул к себе ветку поувесистее, какую под вечер собирался положить в костёр, чтобы тлела долго, давала тепло и держалась несколько часов сряду.

С толстым суком в руках Валёк смотрел, как юноша в кафтане вдруг замер, потом посмотрел на него. В полутьме не было видно ни глаз, ни прежней произвольной дрожи во всём теле. Этот человек просто остановился и неотрывно теперь пялился на Валька.

Мужик не знал, что делать. Он собирался с силами, чтобы защитить свою жизнь. Если повесят потом, то что ж, так будет хотя бы шанс, маленький, но шанс!

Меж тем дождь моросил.

Сквозь густую крону на плечи и лицо Валька упало несколько холодных колючих капель. Пить больше не хотелось. Лишь страх, как перед диким зверем, поселился внутри мужика, дрожал и пульсировал, как листья берёзы под непогодой, в любой момент готовые опасть, пуститься по ветру, но не сдающиеся до самого конца.

И вдруг шаги. Хруст ветвей.

Юный господин подошёл к нему. Валёк ухватился за палку покрепче.

— Я... прости меня. Порой находит что-то, и я... я заночую сегодня в бричке.

Он пошёл к повозке, на ходу бросив:

— Не серчай... я сам... никто не придёт... я сам...

К себе ли он обращался, к нему ли... Валёк не знал. Он для себя решил этой ночью не пить и не спать и на всякий случай приглядеть за юным господином. Умалишённых Валёк встречал в жизни и раньше, но всегда те угрожали разве что своей жизни. Они бились в припадке, бежали вешаться и топиться, поджигали свои же хаты. За три десятка лет Валёк видел разное, но такое с ним было впервые.

Гриша сидел в пустой карете. Его била дрожь. Слёзы текли из глаз.

Это началось недавно, с полгодау назад. Врач предложил колоться морфием для успокоения, говорил, что припадки неизлечимы, но если успокоить нервную систему, то случаться они будут куда реже и не так буйно. Да, Гриша мог начать колоть морфий. Мог.

Там, в училище, это было легко: порошок и шприц лежали в тумбочке у кровати. Но он не стал. Пытался найти покой в книгах и карточных играх с друзьями. Он пытался изо дня в день ввести покой в душу вместо шприца, чтобы кошмары наяву не вернулись. Чтобы не чувствовать вновь это... когда твой собственный разум восстаёт против тебя.

И всё пережитое вдруг является в кошмарных видениях...

— Ну что же ты, сыночек, испугался? Гришенька, мальчик мой...

Обезображенное бледное лицо в платке, глаза вытекли, нижняя губа висит на лоскуте кожи, в дырах вместо носа копошатся черви. Она выглядывает на него и лыбится из-под соседней скамьи, тянет к нему руку — пожелтевшая кожа слезла с пальцев, обнажая костяшки и зелёное гнилое мясо.

— Мальчик мой... пойдёшь к маме, Гришенька? Мы с папенькой соскучились по тебе, мальчик наш...

Небольшая комнатка без окон. Стол служилый с близко придвинутой к нему скамьей. На скамье сложенный втрое плед из овчины, и вот на нём уже восседает сгорбленный, чавкающий и бубнящий себе под нос полушёпотом старичок. Ростом сидя любому другому по пояс, горбатый, в кафтане потёртом и старом, в шапочке, блестящей разноцветным стеклянным бисером.

Говорят, человек рождается на свет чистым листом. Приказчик имения Заболоцкого - Савелий, уже очень давно ходит по свету, и образ его, подобный чистому листу, успел за восемьдесят два года покрыться письменами очень обильными, друг друга пересекающими. Тут и там чернила растеклись, где-то кот блудливый грязной лапой приложился, а где-то писали в спешке и всё перечёркивали вдоль и поперёк.

Морщины, бесконечные складки, сломанный скособоченный ещё с юности нос, и клюка, приставленная к столу, — всегда рядом из-за вечно раздражающей и всюду мешающей хромоты.

Лицо в оспинах и при этом бледно-серое, бородатое, хотя приказчикам борода совершенно не полагается, сейчас все пошли гладко выбритые. Но у Савелия на всё своё мнение, и с привычной аккуратно подстриженной бородой он решил не расставаться до конца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.